

УДК 930.1; 1(091)
DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.210

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И. БЕРЛИНА: ТРАКТОВКА КАТЕГОРИЙ МОНИЗМА И ПЛЮРАЛИЗМА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматривается история идей Исайи Берлина, представляющая собой историю изменения и смены моделей человеческого развития. Указывается, что его основные идеи представлены в виде дихотомий. Определяется сущность монизма и плюрализма в трактовке Берлина.

***Ключевые слова:** история идей, монизм, плюрализм, политическая теория.*

Исайя Берлин (1909–1997) внес большой вклад в исследования области этической и политической теории, а также в изучение истории идей. Его наиболее известные труды посвящены интеллектуальной истории свободы – одного из фундаментальных концептов западной цивилизации, являются наиболее читаемыми и обсуждаемыми [7].

Берлин известен, в основном, как историк идей, обладающий удивительной способностью проникать в умы философов прошлого и представлять яркие картины их видения мира. Как мыслитель, Берлин имеет склонность к концептуальному разграничению, а его основные идеи представлены в форме дихотомий, таких, как монизм и плюрализм, негативная свобода и позитивная свобода, Просвещение и Контрпросвещение, ежи и лисы [12].

Политическую теорию он понимал как, по существу, философскую, которую невозможно свести к вопросам формального или эмпирического характера, аналогичным математическим или физическим. В представлении Берлина, понятие «философия» предполагает некоторый элемент фатализма, поскольку на вопросы, озвученные в ходе исследования, невозможно получить однозначные и окончательные вопросы. Основная цель философских исследований состоит в том, чтобы оценить и преобразовать наши способы мышления и языкового использования, сделав их менее внутренне противоречивыми, осознавая при этом бесконечный характер исследования [16].

Интеллектуальная история, в представлении Берлина, а он считает себя именно историком идей, а не философом истории, – это история изменения и смены моделей человеческого развития, моделей, «в понятиях которых осмысливалось прошлое, тех художественных, богословских,

механических, биологических или психологических моделей, которые отражаются в области исследования, в постановке новых вопросов и использовании новых методик для ответа на вопросы, кажущиеся более интересными или существенными, чем те, что уже отжили свое» [3, с. 82].

Социально-экономические и политические импликации дают возможность охарактеризовать наиболее общие темпоральные характеристики, выявить принятые в исследуемую эпоху нормы, интересующие человека вопросы, по сути позволяя интерпретировать социальное и политическое мировоззрение эпохи, нежели сосредоточиться на осознании дистанции, разграничивающей произведение и воображаемый идеал абсолютной истины. Терминологический и понятийный аппараты, используемые людьми, являются следствием психологических, социальных, физических процессов, открытие которых является задачей той или иной эмпирической науки. «Именно по таким сдвигам в методах рассмотрения прошлого (или настоящего, или будущего), по идиомам и словечкам, по выраженным в них сомнениям и надеждам, страхам и идеалам, можно лучше всего судить о развитии политических идей и концептуального аппарата общества, а также его наиболее одаренных и выдающихся представителей» [3, с. 83].

В целом подходы к исследованию истории обусловлены развитием науки и искусства. Физика и математика оказали значительное воздействие на способы мышления относительно исторического процесса в XVIII в., историки XIX в. использовали многие метафоры и проводили аналогии с биологией и музыкой. Работы, написанные после Первой мировой войны, несут на себе значительный отпечаток развития психологии и социологии.

По Берлину, история не является наукой в классическом понимании, поскольку в истории используется небольшое количество специфических концепций и категорий исследования. Любые попытки сконструировать специфическую методологию приводят к тому, что они чрезмерно схематизировали опыт, не предлагая ответов на поставленные вопросы [2, с. 195]. В то же время история не является идентичной художественной литературе, но характеризуется тем, что в естественных науках осуждается как субъективность и интуиция. Однако любые призывы к подавлению моральных и психологических оценок историков, по Берлину, проистекают из смешения гуманитарных и естественнонаучных методологий [2, с. 196].

В отличие от философии истории, история – это интеллектуальная деятельность, цель которой состоит в том, чтобы представить историческое событие таким, каким оно было на самом деле, как фактический случай, непредвиденное обстоятельство или даже чрезвычайную ситуацию, без принятия всепонимающей и всеведающей точки зрения, без логического вывода о скрытом смысле данного события или истории в целом.

Для Берлина история больше похожа на умение или дар, чем на фактическое знание. В то же время она не препятствует вынесению суждений или применению здравого смысла – и только по этой причине она не может быть отнесена к науке [13, р. 34]. Любое исследование, в том числе и исследование по политической теории, предполагает исторический подход: «самое несходство, контраст, поражающий нас в прошлом, обеспечивает единственно релевантный фон, на котором черты, характерные для нашего собственного опыта, выступают с достаточной рельефностью, позволяющей их различить и описать» [3, с. 83]. Следовательно, необходимо осознать различия идей и терминологии, взглядов на происходящее, на способы, связывающие элементы опыта. «Историк этот не понимает ни того времени, ни своего собственного, если не чувствует контраста между тем, что было общим для Конта, Мадзини и Мишле, Герцена и Маркса, с одной стороны, и Макса Вебера, Уильяма Джеймса, Тони и Бирда, Литтона Стрейчи и Нэмира – с другой» [2, с. 182]. В целом линия развития интеллектуальной традиции Европы, без понимания которой невозможно понимание истории, видится Берлину как цепочка разрывов и различий.

В ходе исторического развития огромную роль играет появление, развитие и распространение идеи. «Когда идеями пренебрегают те, кто должны ими заниматься, то есть те, кто получил подготовку, позволяющую им критически рассматривать идеи, – они, эти идеи, иногда набирают силу и становятся неуправляемыми, приобретая неотразимую власть над массами людей, которые порой слишком ожесточаются, чтобы на них смогли повлиять критические доводы рассудка. Около ста лет назад немецкий поэт Гейне предупреждал французов, что нельзя недооценивать мощь идей: философские концепции, выношенные в тиши профессорского кабинета, могут разрушить цивилизацию» [1, с. 233].

Первыми из дихотомий идей, к которым обращается Берлин, являются идеи монизма/плюрализма, получившие значительную разработку в эссе «Еж и лисица», вдохновленном строкой «Лиса знает много секретов, а ёж – один, но самый главный». Подобная аналогия является одним из способов иллюстрации плюрализма, поскольку «лиса знает много вещей, потому что, как и еж, она знает еще одну важную вещь: выбор неизбежен» [7]. Эссе получило широкое обсуждение в ходе многочисленных дискуссий. К примеру, в данном контексте обсуждались и методологические ориентации Берлина. Так, М. Игнатьев считал Берлина «лисой, которая мечтала быть ежом» [12], Дж. Краудер, напротив, утверждал, что Берлин был «ежом, единственной целью которого была, по иронии судьбы, аргументация ценностного плюрализма» [8]. В оценке Д. Торсена, Берлин олицетворяет собой ежа, потому что он знает одну важную вещь: выбор – «постоянная характеристика положения человека

в мире» [16]. По словам Грея, Берлин – это еж, мысль которого сконцентрирована относительно единственного понимания ценностного плюрализма [11].

В понимании Берлина, ежи – мыслители, которые «связывают все с одним центральным видением мира», представляя в качестве его начала универсальный, связный, организующий принцип, единую определяющую идею, в терминах которой истолковывается все происходящее. Примеры мышления ежа – философские воззрения Платона, Данте Алигьери, Паскаля, Гегеля, Достоевского, Пруста, Ницше, Ибсена, Пруста, Броделя. Напротив, лисы – это те мыслители, для которых мир не может быть сведен к одной единственной идее, они преследуют множество целей, часто не связанных и даже противоречащих друг другу. «Лисицы» – это Геродот, Аристотель, Эразм Роттердамский, Шекспир, Монтень, Гете, Пушкин, Бальзак, Джойс. И в этой связи возникает закономерный вопрос, можем ли мы истолковать дихотомию ежа и лисицы как различия между монистом и плюралистом. Как отмечает С. Люкс, Берлин использует подобные аналогии в границах истории идей для того, чтобы продемонстрировать моральные и политические последствия принятия ограниченного видения мира ежей и одновременно исследовать мировоззрение мыслителей, которых он считал собратьями-лисицами. В его оценке, Берлин является «старомодной лисой», которая «осталась верна своим ранним эмпирическим взглядам» и никогда не интересовалась постэмпирической наукой, герменевтическим кругом или социальным конструктивизмом. С Люксом согласен С. Хэмпшир, описавший Берлина как «убежденного и спокойного эмпирика, который настаивает на том, что наш повседневный опыт, будь то личный или политический опыт, является истинной характеристикой реальности», принимающего мир как полностью реальный и существующий так, как мы его воспринимаем [14, p. 56].

Рассмотрим более подробно первый элемент дихотомии монизм – плюрализм. Свою политическую философию Берлин начинает с критики монизма [5]. В основе монизма лежит следующий тезис: «...на каждый истинный вопрос должен быть один, и только один, верный ответ, все другие ответы ложны, в противном случае вопросы не могут быть истинными. Если все ответы на социальные, моральные и политические вопросы будут получены, тогда люди будут следовать открытой истине» [4]. Монизм представляется Берлину не просто набором предпосылок, полученных посредством аналитического исследования различных монистических воззрений в истории. Скорее, монизм являет собой стиль мышления, состоящий из предпосылок, чувства реальности и перспективы видения мира. Исследуя проблему монизма, Берлин, в первую очередь, обращается к воззрениям Маркса, Гегеля, исторического материализма.

Монизм присутствует в западной философии с момента ее зарождения, и как объясняет Берлин, он покоится на «трехногом табурете», состоящем из следующих положений: а) существует один истинный ответ на все подлинные вопросы; все остальное – отход от истины, являющийся ложным; это относится как к вопросам поведения и чувств, т. е. к практике, так и к вопросам теории или наблюдения; 2) истинные ответы на подобные вопросы в принципе известны; 3) истинные ответы не могут противоречить друг другу, поскольку одно истинное предложение не может быть несовместимо с другим; ответы формируют единое гармоничное целое: это может быть логическая система, где каждый элемент логически влечет за собой другой и вытекает из других элементов, либо выступать как отношение частей к целому [15, р. 130].

Сторонниками монизма были многие выдающиеся философы западноевропейской традиции – Платон, Аристотель, Гельвеций, Гольбах, Д'Аламбер, Кондильяк, сторонники философии духа Вольтер и Руссо, убежденные, что при обнаружении подлинно верной методологии исследования истории, общества, морали, политики могут быть раскрыты истины, близкие истинам, обнаруживаемым в естественных науках. Стало быть, универсальные законы исторического развития могут быть обнаружены, а ответы на глобальные вопросы должны быть организованы в свете той истины, которая была установлена посредством правильных методов, какими бы они ни были [4].

Эпоха Просвещения внесла существенный вклад в поиск ответов на вопросы, которые ранее считались недоступными для человека, потому, что либо человек был плохо подготовлен для их понимания, либо они принадлежали внешнему миру, недоступному для восприятия. Успехи развития естественных наук породили убеждение, что аналогичные достижения, в том числе в вопросах морали и этики, могут быть получены и в гуманитарных дисциплинах посредством научного метода. К примеру, Берлин указывает на убеждения, проистекающие из монистических предположений в сочетании с рациональным методом применительно к политической философии: 1) единственная истинная цель людей – рациональное самоуправление; 2) цели всех разумных существ должны быть объединены в универсальный и гармоничный паттерн, который некоторые немногие люди готовы понять больше, чем основное большинство; 3) как только все люди станут полностью рациональными существами, они будут следовать рациональному закону, который является одним и тем же для всех, и, таким образом, человек достигнет освобождения [6, р. 21].

Позднее чрезмерная вера в разум философов Просвещения вызвала противодействие, известное как течение романтизма. Подпитываемые желанием обнаружить универсальные ответы на все загадки, французские философы стремились освободить человечество от цепей неоспоримых утверждений и верований, которые пронизывали множество

различных культурных наследий. Они думали о себе как о просветленных существах, которые полагали, что остальной мир погружен во тьму. Их миссия заключалась в том, чтобы вернуться в пещеру, освободить остальное человечество от ее цепей, вытащив его на солнечный свет. Очевидно, что завершающий элемент вышеприведенного утверждения – это трактовка монизма Берлина. Как отмечает Б. Гудвин, Берлин рассматривает монизм как образ мышления [10, р. 56], Л. Дэвис, в свою очередь, указывает, что Берлин никогда не переставал предупреждать о моральных и политических последствиях монистического способа рассуждений. Поэтому, с одной стороны, интеллектуальную деятельность Берлина можно рассмотреть как борьбу с монизмом [10, р. 57]. С другой стороны, лейтмотивом его работ является ценностный плюрализм.

По словам Торсен, в текстах Берлина преобладает «глубоко и исключительно английский» тип эмпиризма, основанный на здравом смысле. Это становится особенно очевидно, когда он отвергает этический монизм, состоящий в следующем: для того чтобы объяснить появление ценностного конфликта, монизм должен опираться на метафизическую установку, согласно которой все подлинные ценности или законные цели, которые у нас есть, в конечном счете должны быть согласованы друг с другом. Подобное постулирование мнимых априорных истин в этической теории совершенно неприемлемо для Берлина не только потому, что он отвергает их как ложные, но и потому, что он считает их «ответственными за убийство людей на алтарях великих исторических идеалов» [6, р. 212]. Следовательно, он не признает никаких причин за пределами области метафизических образов для того, чтобы поддерживать этический монизм.

Важность подобной трактовки монизма также заключается в следующем. Во-первых, учитывая, что плюрализм Берлина был задуман как альтернатива монизму, он не может быть полностью понят, не принимая во внимание то, против чего он призван бороться. Во-вторых, понимание восприятия монизма Берлина позволяет понять то, что он считает либерализмом. По словам Дэвиса, Берлин на протяжении всей жизни неоднократно исследовал монистические предпосылки различных политических мыслителей прошлого и никогда не переставал предупреждать о моральной и политической цене монизма в любых освещаемых темах – от Просвещения до романтического движения и от Французской революции до Русской революции. «Одно из глубочайших человеческих желаний – найти единую модель, в которую бы симметрично укладывался весь опыт прошлого, настоящего и будущего, опыт действительный, возможный и несостоявшийся. Часто это желание выражается в поверье о том, что некогда существовало какое-то гармоническое целое – “непосредственное единство чувства и мысли”, “единство познающего и познанного”, “внешнего” и “внутреннего”, субъекта и объекта, формы и содержания, “я” и “не-я”, которое впоследствии было каким-то образом нарушено; и

весь человеческий опыт заключается в бесконечных усилиях собрать осколки, восстановить единство, в попытке побега или выхода за категории – способы мышления, – расщепляющие, “убивающие” живую действительность, или отгораживающие нас от нее» [2, с. 218].

Подобные попытки понять ход исторического развития выразились в появлении представлении о том, что историческая трансформация должна разворачиваться в соответствии с неким образцом, отступление от которого глупо. Маркс, Энгельс, Плеханов, Шпенглер и другие представители историцистских воззрений были убеждены в наличии некоей модели или закономерности развития [2, с. 182]. Вместе с тем это подразумевает под собой попытку переложить ответственность человека, общества с эмпирического уровня на метафизический, исключающий идею моральной ответственности, что, по Берлину, является невозможным. Подобное стремление объясняется желанием убежать от реального мира в мир, удовлетворяющий какой-либо выбранной схеме исторического развития [2, с. 220].

Стало быть, в рамках монизма признается существование единственной гармонии во Вселенной, а политическим следствием данной теории является мнение, согласно которому те, кто знает, должны управлять теми, кто не знает. В политической сфере монизм также подразумевает под собой ряд допущений. Монистический образ мышления, в этой связи, видится Берлину следующим – это вера в универсальную объективную истину в вопросах поведения, в возможность создания совершенного и гармоничного общества, полностью свободного от конфликтов и несправедливости или угнетения – цель, ради которой никакая жертва не может быть слишком большой, если люди когда-либо собираются создать правление правды, счастья и добродетели, как, например, в представлениях Кондорсе. Конечно, среди критикуемых Берлином есть и утописты, чьи идеи носят монистический характер, однако логика приравнивания Берлином утопизма и тоталитаризма, предлагаемая Дэвис, – силлогизм, который звучит следующим образом: 1) монизм ведет к тоталитаризму; 2) утопизм – это форма монизма; 3) утопизм приведет к тоталитаризму [9], – не всегда корректна, поскольку к тоталитаризму может вести и преобразованная позитивная концепция свободы.

Итак, монизм предусматривает наличие единого истинного ответа на вопросы, касающиеся как человеческих дел, так и природного мира, составляющих великое повествование о мире, свободном от внутренних противоречий. Монизм является одним из столпов западной интеллектуальной традиции, восходящей к греческой философии, простирающейся от христианского Средневековья до эпохи Просвещения и вплоть до XX в. Монистический взгляд предусматривает восприятие мира как пазла, в котором мир и человеческое общество организуются как единая понятная структура. С монизмом связан плюрализм, отстаиваемый теоретиком. В эссе «Мой интеллектуальный путь» Берлин ставит плюрализм

в центр своих теоретических изысканий, заявляя, что ценностный плюрализм занимает своего рода золотую середину между монизмом, верой в то, что существует только одна подлинная ценность или одно объединенное величайшее благо, и моральным релятивизмом, верой в то, что не существует универсальных ценностей, а существуют только лишь локальные. В то же время и плюрализм, и монизм объединяет то, что они оба являются вариантами веры в то, что человек способен отделить добро от зла.

Список литературы

1. Берлин И. Две концепции свободы [Электронный ресурс]. // Четыре эссе о свободе URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svbode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
2. Берлин И. Историческая неизбежность [Электронный ресурс]. // Четыре эссе о свободе URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svbode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
3. Берлин И. Политические идеи в двадцатом веке [Электронный ресурс]. // Четыре эссе о свободе URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svbode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
4. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.10.2020).
5. Грановская О.Л. Исайя Берлин: политическая философия с русскими корнями // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Вып. 2, Т. 16. С. 93–105.
6. Berlin I. *Liberty*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 416 p.
7. Berlin I. *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. Princeton: Princeton University Press, 2013. 384 p.
8. Crowder G. *Isaiah Berlin: Liberty and Pluralism*. Cambridge: Polity, 2004. 256 p.
9. Davis L. *Isaiah Berlin, William Morris, and the Politics of Utopia* [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13698230008403313> (accessed: 23.01.2021).
10. Goodwin B. *The Philosophy of Utopia*. London: Frank Cass, 2001. 272 p.
11. Gray J. *Isaiah Berlin*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.
12. Ignatieff M. *Isaiah Berlin: a life*. London: Vintage Uk, 2000. 356 p.
13. Jahanbegloo R. *Conversations with Isaiah Berlin*. New-York: Charles Scribner's Sons, 1991. 213 p.
14. Lukes S. *An Unfashionable Fox* // *The Legacy of Isaiah Berlin* / ed. by R. Dworkin, M. Lilia, R.B. Silvers. New-York: The New York Review of Books, 2001, P. 107–115.

15. Martins A.V. Pluralism v. Relativism. An Appraisal of Isaiah Berlin's Defence of Pluralism [Electronic resource]. URL: https://repositorio.ucp.pt/bitstream/10400.14/18986/1/TeseMA_AMartins_104013009%20%281%29.pdf (accessed: 07.10.2020).
16. Thorsen D.E. The Politics of Freedom A Study of the Political Thought of Isaiah Berlin and Karl Popper, and of the Challenge of Neoliberalism [Electronic resource]. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/13298> (accessed: 07.10.2020).

BERLIN'S INTELLECTUAL HISTORY: INTERPRETATION OF MONISM AND PLURALISM

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to I. Berlin's history of ideas, which is the history of change and shifts of models of human development. It is pointed out that his main ideas are presented in the form of dichotomies. The essence of monism and pluralism, in Berlin's interpretation, is examined.

Keywords: history of ideas, monism, pluralism, political theory.

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru